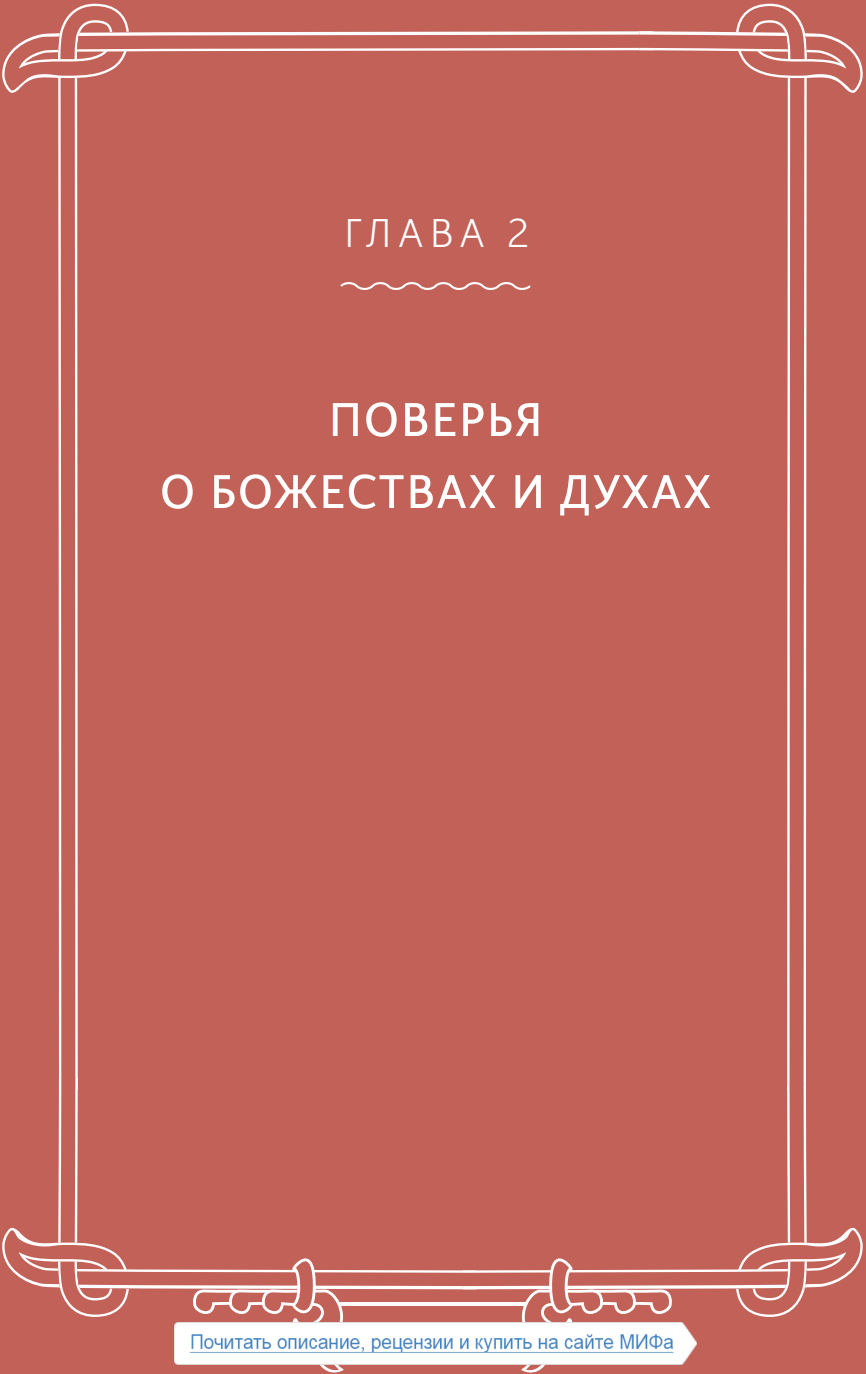

ГЛАВА 2

ПОВЕРЬЯ О БОЖЕСТВАХ И ДУХАХ

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Центр и периферия, благо и беда

Язычник ощущает весь мир живым, и иногда эта жизнь проявляется посредством персонализации (например, непонятный стук в жилище — это озорует домовой), а иногда оживляется сам материальный объект (скажем, кусок хлеба). С точки зрения истории религий второй тип мировоззрения — более архаичный, однако и он частично дожил до XX века.

Мы рассмотрим эти поверья в несколько непривычном порядке. Традиционно в книгах по мифологии их излагают по принципу «от центра (дома) к периферии (миру мертвых)», а мы пойдем от блага к беде. Как мы уже видели на примере животных и растений, один и тот же образ в мифологии может восприниматься и как благой, и как вредоносный. Это объясняется тем, что мифология — не «мышление», а сложная система эмоциональных переживаний, и чем ярче какой-то образ, тем больший всплеск эмоций он вызывает — восторг и испуг одновременно. Это сочетание противоположностей (в науке его называют амбивалентностью) принципиально отличает язычество от мировых религий, в которых существуют бескомпромиссные Добро и Зло (и любая вещь, отмеченная дьяволом, будет плоха независимо от ее объективных качеств

и пользы). В язычестве же абсолютное большинство объектов, персонажей, предметов веры не плохи и не хороши, они обладают сразу всеми свойствами.

Языческий мир состоит из «центра» и «периферии». То, что связано с центром, — максимально благое, это очевидно. Но какова периферия? Если мы посмотрим сказки, то именно в тридесятom царстве (том, что находится за «три умножить на десять» земель) таятся магические предметы и неисчислимые богатства. Так что нельзя утверждать, будто периферия «плоха». Нет, она в чем-то лучше (и порой значительно лучше) центра, но она опасна, она страшит, и взаимодействие с ней может легко погубить...

Однако понятия «центра» и «периферии» — не только линейные. Они еще и возрастные. Центр применительно к человеческой жизни означает человека взрослого, состоящего в браке и имеющего детей. Те, кто еще не стал отцом и матерью, — это как бы «недолюди», и чем они моложе, тем ближе к «тому свету». Наиболее близок к периферии, как легко понять, ребенок во чреве матери, поэтому большинство народов относятся к беременной женщине негативно: она «нечиста», ее жизнь окружена множеством запретов. Младенец и ребенок принадлежат скорее к «тому», чем к «этому» миру, и недаром матери часто сетуют: «Когда ж ты у меня наконец человеком станешь?» Но и старость приближает к иному миру. С появлением первых внуков мужчина и женщина делают первый шаг «туда», они постепенно лишаются ряда человеческих качеств и обретают иномирные, сверхъестественные черты. Любая старуха воспринимается как потенциальная ведьма (и, по опыту фольклорных экспедиций, пожилые более активны в магической и ритуальной практиках, притом что в молодости и зрелости они их, хотя и знали, не использовали).

Однако самая периферийная область самой дальней периферии — это мир мертвых, и потому мы можем сказать,

что в традиционном обществе каждый человек одновременно более или менее жив и более или менее мертв. И как мы увидим в дальнейшем, мертвецы тоже бывают разные — благие и вредоносные, причем во вредоносного мертвеца может превратиться добрый человек (трагических обстоятельств, к этому приводящих, мы коснемся в свое время); что самое ужасное, вредить он станет вне зависимости от своей воли и особенностей, которыми обладал при жизни. «Праведников» и «грешников» в язычестве нет, моральные качества человека никак не влияют ни на его место в обществе живых, ни на его посмертную судьбу.

Такая текучесть представлений о благе и беде, живых и мертвых, отсутствие добра и зла в привычном нам понимании, наверное, самое сложное в этой книге.

Так что начнем мы с поистине уникального явления в язычестве — абсолютно благих сил.

Мать сыра земля

Священной силой, отторгающей всякую нечистоту как в прямом, так и в переносном смысле, выступала *мать сыра земля*. Она не была богиней и вообще не имела персонификации, а также, по сути, обходилась без культа. Говоря о почитании земли в народной культуре, мы подразумеваем землю физическую — почву и дерн, которые воплощали максимально благое начало. Так, крестьяне в поле перед трапезой вытирали руки о землю, уверенные, что она очистит любую грязь (автору этих строк доводилось наблюдать подобное и среди современных туристов), то есть грязь не может уйти в землю, она останется на поверхности. Это же касается нечистой смерти: земля не принимает трупы самоубийц и других людей, умерших «неправильно»; в легендах рассказывается, как она

исторгает из себя кости колдуна или гроб с его телом, а в былинах о Добрыне и Змее земля не хочет выпитывать нечестивую змеиную кровь.

Земля — воплощение непогрешимой истины. Известно выражение «землю есть» в смысле «давать клятву» — в Древней Руси при такой клятве землю реально ели (или целовали). В споре о границах участка человек клал себе на голову кусок дерна и шел по предполагаемой меже — считалось, что если он обманет соседа, то земля его раздавит. Клятва с куском дерна на голове вообще была распространена достаточно широко, она не считалась языческой (так как не связана с почитанием языческих богов) и упоминается даже в славянской версии «Слова» Григория Богослова. Почитание земли настолько органично вросло в народное православие, что мать сыра земля стала отождествляться с Богородицей, и если почему-либо человек не мог исповедаться священнику, то допускалась исповедь земле: он опускался на землю на колени, целовал ее и каялся.

Святогор пытается одолеть «тягу земную».

Картина И. В. Симакова. 1917 г.

Земля обладает целительной силой, излечивая как телесные, так и душевные недуги. Скот в случае мора прогоняли через специальный туннель, образованный в почве. От тоски по умершему излечивала горсть земли с его могилы, которую следовало приложить к области сердца. Земля защищала и от вредоносного колдовства.

Уезжая на чужбину, непременно брали горсть земли в ладанке. В этом было всё: и земля как оберег, и ощущение связи с родными людьми и местами, и гарантия того, что в случае смерти в чужом краю ты все же сумеешь войти в сонм «своих» покойных — ведь на могилу тебе положат горсть родной земли.

В русских былинах земля обладает особой мощью. Она сильнее всех: исполинский богатырь Святогор, с которым никто не мог сравниться, не сумел поднять сумочку, в которой находилась «тяга земная»; Добрыня в первой схватке со Змеем Горынычем поверг его «шапкой земли греческой» (и хотя исследователи видят в этом монашеский клубок и аллегория принятия христианства, но шапка нигде не называется просто «греческой», во всех записях устойчиво упоминается «земля»); Илья Муромец в схватке с Сокольником упал на землю, враг хотел его убить — и тут «лежучи у Ильи силы прибыло», то есть он получил силу от матери сырой земли (вспомним аналогичный мотив с сыном земли Антеем из греческой мифологии). На этом фоне крестьянское происхождение Ильи Муромца выглядит символическим объяснением его невероятной силы. Другой сверхсильный богатырь — Микула Селянинович, пахарь, соху которого не может выдернуть из земли вся дружина Вольги. У Микулы две дочери, обе богатырки; старшая, Василиса, переодевается мужчиной, чтобы вызволить из заточения в Киеве своего мужа Ставра и в череде разных испытаний побеждает в состязании киевских богатырей; младшая, Настасья, — воительница исполинского роста, сажающая Добрыню к себе в карман (потом, впрочем, она

выходит за него замуж). Представление о том, что сила матери сырой земли и всех героев, с ней связанных, превосходит мощь любых врагов и монстров, — специфически русское. Ни у одного народа нет такого количества героев, близких к земле (например, тот же греческий Антей в итоге погиб в поединке с Гераклом, а греческие гиганты, порождения Земли-Геи, были уничтожены олимпийскими богами и тем же Гераклом). Благодаря такому отношению к силе земли русские былины оказываются уникальным явлением во всем мировом эпосе.

Хлеб

Столь же благой силой был и хлеб. Он центр дома не только в символическом, но и в буквальном смысле: в красном углу жилища непременно стояла коврига как зримое воплощение благополучия и одновременно могучий оберег, обеспечивающий счастье и достаток. Хлеб — «дар Божий», и, вероятно, это представление восходит еще к языческим временам, поскольку в народном сознании он свят сам по себе, абсолютно любой его кусок. Хлеб, взятый с собой в дорогу, оберегал путника от неприятностей. Чтобы уберечь новорожденного от болезней, хлеб клали в колыбель. Вернувшись с похорон, его обязательно помещали туда, где лежал покойник, — чтобы перекрыть смерти путь в дом. Наконец, хлеб был незаменим при установлении любых контактов: хлебом-солью приветствовали гостя; широко его применение в свадебных обрядах — его брали с собой при сватовстве, он входил в приданое невесты, хлебом-солью встречали молодых после венчания. Контакты могли быть не только с живыми людьми, но и с мертвыми — общеизвестен и дошел до настоящего времени обычай оставлять хлеб на могиле. Особый (несоленый) хлеб готовился для различных поминальных ритуалов. Помогал хлеб наладить

контакты не только с людьми (живыми или мертвыми), но и с иными силами — его оставляли как жертву в святилище или в месте общения с духами (в поле, в лесу, на лугу), символически приносили в жертву и затем съедали, тем самым устанавливая связь с высшими силами. Часто это делалось не с какой-то осознаваемой прагматической целью («жертвую, чтобы получить хорошее или не получить плохого»), а исходя из эмоциональной потребности («оставляю — и всё тут»; «потому что так принято») — вспомним привычку современных туристов кидать в костер «первый хлеб», «первое мясо» и «первый алкоголь», то есть отправлять в пламя по кусочку еды и немного выпивки, хотя объяснений этому ритуалу нет, разве что говорится о выражении уважения духам местности.

Пара «хлеб-соль» в магическом смысле — два совершенно разных индикатора. Хлеб, как ясно из приведенных примеров, доступен и людям, и «хорошим» мертвецам, и божественным силам, но отгоняет силы злые. Таким образом, согласие незнакомца принять хлеб — это доказательство того, что он «свой»,

Резная солонка с обережными символами

не готовится к безвременной смерти, однако при этом он может не быть человеком. Проверкой на принадлежность к миру людей является подношение соли, ведь соль — универсальное средство изгнания любых сверхъестественных сил. Угощение же хлебом-солью означает желание поделиться и своим благополучием, и своим богатством. Это разные понятия: благополучие (хлеб) зарабатывается упорным тяжелым трудом, оно не зависит ни от каких личностных качеств, кроме физической силы и усердия, богатство же (то есть соль, которую не производили, а покупали) приобретается благодаря индивидуальным чертам — торговой смекалке, навыкам ремесленника или мастерицы, умеющим работать на заказ, и т. п. Наконец, в самом факте подношения хлеба-соли читается намерение поделиться своей долей. А доля — это краеугольное понятие не только языческой, но и всей традиционной культуры, и о ней надо рассказать отдельно.

Доля, часть — это воплощение судьбы, но не того, что предначертано, а собственно удачи. Доля — это кусок, который достался при дележе: большой или маленький, жирный или жилистый... В современном русском языке «доля» скорее означает судьбу («тяжелая доля»), прямое значение сохранилось в слове «долька»; у «части» же остался ее прямой смысл, а переносный («судьба») ушел в слова «участь» и «счастье». Представление о судьбе как о части, то есть «хорошем куске», — очень древнее. В индоиранских языках корень *bhaḡa имел те же значения, от него произошли русские «бог» и «богатство».

В язычестве (не только славянском) участь-удача мыслится совершенно конкретно и воплощается в предметах, которыми владеет человек. Например, его украшения — это носители его удачи, и если он настолько смел, а его удача настолько велика, что он готов ею поделиться, то он будет дарить свои браслеты или кольца (как делали вожди скандинавских викингов). Кроме того, если человек воплощает в себе качества

символического центра (о котором мы говорили в начале этой главы), то он может разделить нечто, принадлежащее всем, и разделит это таким образом, что каждому достанется участь-удача — она же «хорошая доля». И тут мы возвращаемся к представлениям о хлебе. Чтобы благие силы, заключенные в нем, проявились в максимальной степени, его необходимо правильно делить. Кто же должен резать хлеб? Разумеется, «настоящий человек», то есть состоящий в браке и имеющий детей. В деревенских семьях хлеб резал отец, в городе это могло быть привилегией хозяйки (поскольку в городе муж уходит на работу, а дом находится на полном обеспечении женщины).

Магия куска хлеба — могучая и грозная. Если оставить недоеденный кусок на столе, настигнут бедность или болезнь. Доесть кусок за другим — забрать его счастье и удачу. Но хуже всего — ронять крошки изо рта: это предвещает смерть. Чтобы избежать безвременной кончины, крошку следует поднять, поцеловать и съесть (либо бросить в огонь). Становится понятен эпизод из «Повести о Петре и Февронии», где крестьянка, ставшая княгиней, непременно после трапезы сметает крошки со стола и съедает их. Это не крестьянское уважение к труду, с которым хлеб достается, а магическое действие, отвращающее от семьи князя болезни и другие беды.

Народное восприятие хлеба как воплощенной святости органично совпало с идеями христианской евхаристии, где отношение к хлебу как к «дару Божьему» лишь немного видоизменилось по сравнению с языческим.

* * *

Ритуал приготовления хлеба был подлинным священнодействием: хлеб сажали в печь в полном молчании; пока он пекся, говорить разрешалось только тихо; запрещалось выходить из избы и многое другое. Разумеется, такой сакральный обряд не мог обходиться без содействия иных сил — и на помощь

хозяйке приходили покойные, умершие предки ее мужа. Именно им доставался аромат горячей выпечки; иногда для них отламывали первый кусок от буханки и оставляли в особом месте.

Идея о том, что запах и пар, исходящие от еды, принадлежат предкам, свойственна едва ли не всем народам. Умершим подносят горячую пищу, пока от нее идет пар; когда пар сошел, ее можно есть живым. Таким образом через еду и огонь очага неразрывно связываются миры живых и мертвых, и мертвые участвуют в жизни своих потомков едва ли не повседневно. Подобные обычаи отражают представления, будто мертвые предки находятся рядом с живыми и мира мертвых нет вообще. Это очень глубокая архаика, она почти не сохранилась в высоко развитых культурах, однако уцелела в японском синтоизме: для современной японской хозяйки нормально поставить на алтарь предков не только пищу, которую семья съест после того, как предки вкусят пар, но и даже стиральные порошки и моющие средства, чтобы заручиться магической помощью старшего поколения перед большой уборкой. Подобная жизнь вместе с покойными — уникальное явление в современном обществе, и то, что это не исчезло в Японии, объясняется, вероятно, сейсмическими рисками, из-за которых японская культура насквозь пропитана стрессом.

Стресс — сильнейший источник мифологического мировосприятия. При катастрофах естественно искать помощи у старшего поколения — живого или не очень. В романе Н. Чуковского «Балтийское небо» действие происходит в блокадном Ленинграде, у героини-школьницы погибает мать... и в страшнейшую блокадную зиму девушка постоянно общается с умершей, чувствуя ее поддержку, находя благодаря этому в себе силы. После таких предельно реалистичных описаний общения живого с покойником совершенно по-другому читаешь, например, сказку «Крошечка-Хаврошечка», где скончавшуюся маму девушке заменяет корова.

Если мы будем смотреть на мифологию не как на совокупность заблуждений невежественного человека, но как на отражение того, что происходит в душе любого (и может произойти с каждым из нас в условиях страшного стресса), то исчезнут все мнимые противоречия в представлениях о мире мертвых. Чем сильнее стресс — тем ближе предки. Опасность или риск неудачи — они рядом. Все спокойно — они где-то там, за лесом, за рекой. Хотим сами прийти к ним в гости — они лежат в своих могилах на кладбище. А если речь идет не о предках, а об умерших вообще, то они совсем далеко: в раю, в аду, в том мире мертвых, каким его видит данная религия.

Общение с умершими

Еще раз подчеркнем: когда речь идет об общении человека с предками, то имеются в виду покойные (покойники). Это слово означает всех, кто умер своей смертью и правильно похоронен. Как мы видим, покойные ведут достаточно активный образ жизни, который полностью подчинен правилам и созидателен, в отличие от поведения неуспокоенных мертвецов. Обратите внимание: слово «покойник» и слово «мертвец» грамматически одушевленные (см. у Пушкина: «Тятя! Тятя! Наши сети притащили мертвеца» — в ином случае сказали бы «притащили труп»). Так язык бережет древние верования.

Славянская традиция общения с умершими лучше всего сохранилась в белорусском Полесье — там их называли дедами (независимо от пола и возраста). Так же именовался семейный ритуал, на который собирались все живые и мертвые: куда бы человек ни уезжал по делам, он непременно должен был вернуться к «дедам». Обряд начинался с того, что хозяин перечислял по именам всех умерших в этом доме, но присутствующими считались не только они, а все предки до одного.

На стол выставлялась праздничная еда, и домочадцы какое-то время стояли вокруг в молчании, ожидая, пока поедят «душеньки» — то есть души покойных.

О молчании следует сказать особо. В мифах о происхождении мироздания иногда подчеркивается, что мир до сотворения был не только темным и лишенным суши, но и беззвучным. Акт творения в некоторых мифологиях — это первое слово (об этом христианское «в начале было Слово»; есть схожие примеры и в Центральной Америке, и в Древнем Египте) или первый звук (индуизм, образ танцующего Шивы, который в одной из рук держит барабанчик, издавший первый звук во вселенной).

Мир мертвых — мир тишины, и при любых взаимодействиях с покойными следует или хранить молчание, или говорить очень тихо. Вспомним и минуту молчания в память о погибших

Поминальный ужин у белорусов (призывание дедов).
Рисунок Станислава Багеньского, 1904 г.

на войне, которая вошла в европейскую культуру с 1919 года. Или новобрачных у памятников погибшим в Великой Отечественной (обычай, стихийно возникший в народе в первые послевоенные годы как форма участия павших отцов в свадьбах своих детей; это самый поздний всплеск культа мертвых). Крестьянка, в молчании сажавшая хлеб в печь, фактически ритуально обращалась к покойным за помощью. Молчание у гроба, молчание у могил... молчание можно назвать речью мертвых и разговором с мертвыми.

Но вернемся к ритуалу «дедов». Угощать «душеньки» могли не только паром от пищи, но и ею самой. Для этого часть пищи клали в специальную миску (а потом выносили под деревья) или на окно; бывало, ложки с едой опускали в миску и какое-то время ждали, чтобы души поели. Иногда после трапезы еду и посуду не убирали со стола, а оставляли на ночь — угощая покойных.

Важная особенность поведения за столом во время «дедов» — запрет на пользование ножом. Объяснения типа «чтобы не порезать “душеньки”» — несомненно поздние, а суть этого правила снова уводит нас к мифам творения. Мир до бытия мыслится как слинный, нерасчлененный, в нем не существует границ (вспомним древнеиндийский образ матери богов Адити, чье имя означает «безграничность»), а акт творения — это как раз появление границ (так, в средиземноморском мифе ножом или серпом отрезали небо от земли). Именно поэтому при общении с миром мертвых запрещено резать и рубить; если же необходимо что-то разделить, следует ломать.

На протяжении всего ритуала могли быть открыты двери дома, печная заслонка (о связи печи и покойных скажем чуть позже), ворота кладбища. Этот день как день контакта с потусторонним миром полностью исключался из обычной человеческой жизни: в него категорически запрещалось работать, делать что-либо по дому (кроме приготовления пищи),

особо строгий запрет налагался на все виды женских рукоделий. Также не позволялась сексуальная близость супругов в ночи до и после «дедов»: родившийся из-за нарушения табу ребенок будет немым или уродливым, то есть имеющим черты мира мертвых (о молчании уже сказано, а представление о том, что прямое в мире живых искривляется в мире мертвых, отражено в поговорке «горбатого могила исправит», которая в современной культуре носит ироническую окраску, а в традиционной понималась буквально).

«Деды» отмечались как минимум трижды в году: Масленные (в субботу Масленицы), Троицкие (в Духов день, субботу перед Троицей), осенние (в субботу перед днем Кузьмы и Демьяна, 1 ноября); также «деды» могли совпадать с Радуницей (днем поминовения на вторую неделю после Пасхи; Радуница, в отличие от «дедов», проходила на кладбище, куда приносили угощение покойным, часть съедали сами, часть оставляли). Чем глубже в прошлое уходил этот обряд, тем активнее говорилось о том, как наказывают покойные тех, кто его не отмечает: «один раз не отметишь — и уже у тебя скотина издохла»; могли людей постичь болезни и другие несчастья.

Представление о том, что в случае опасности предок всегда окажется рядом и спасет, осталось в выражении «чур меня!», где «чур» — корень, сохранившийся в книжном слове «пращур» (то есть «далекий предок»). Этимология слова «чур» возводит его к уже встречавшемуся нам древнерусскому «кур» (петух). Что же их связывает? Если мы посмотрим на дошедшие до нас новгородские изображения домашних божеств XII–XIII веков, то увидим, что они представляют собой палку или столбик с выточенной на конце головой. Этот тип изображений, в свою очередь, соответствует греческим гермам — столбам, посвященным богу Гермесу, который изначально был богом мертвых и со своей свитой душ умерших находился в вечном движении, подобно европейской Дикой охоте. Герма — это столб,

на вершине которого располагалась голова бога в дорожной остроконечной шапке, а внизу изображался фаллос. Вся герма в целом, несомненно, фаллический символ. Гермы устанавливались на перекрестках дорог, перед опасными перевалами, то есть там, где путешественнику требовались удача и божественная защита. Как это связано с фаллической символикой гермы? Очевидно, принцип действия тот же, что и у современного сквернословия: изображение или упоминание половых органов вызывает резкий всплеск гормонов, который придает сил. Ту же функцию выполняет и возглас «чур меня!». Петух, как мы помним, — это символ мужской эротики, и потому кажется обоснованным мнение, что «куром» называли фаллос (именно так нам, еще студентам, объяснял на лекциях профессор Н. И. Толстой). В таком случае перед нами — индоевропейский узел представлений о фаллической символике предков (и бога мертвых). Обратим внимание: и предок, помогающий по призыву «чур меня!», и мертвецы в свите Гермеса-Психопомпа (Предводителя душ) находятся в человеческом мире, а не в потустороннем, — это серьезный аргумент в поддержку привлечения образа Гермеса для понимания славянской мифологии.

Печь

Мы уже видели, что контакт живых и покойных регулярно осуществляется через *печь*. Она осознается одновременно и как центр дома (которым и является физически, что отражено в выражении «танцевать от печки» — то есть начать с главного), и как граница с миром смерти, причем в этой роли она связана не только с умершими, но и с новорожденными. Такая символика печи совпадает с общемировой символикой очага, с представлением о том, что зародыши детей попадают

с небес в очаг и уже его хозяйка помещает их в лоно женщины, а также с тем, что дух умершего выходит через отверстие над очагом, равно как и злой дух способен проникнуть через него же. Читая, например, «Ночь перед Рождеством» Гоголя, где ведьма вылетает из хаты через трубу, или легенды о том, как черт проникает в дом через трубу, мы видим, безусловно, упоминания еще тех жилищ, которые имели прямой дымоход или не имели его вовсе; они крайне архаичны и восходят к той эпохе, когда собственно печей у славян еще не было (таковы очаги и первые печи пеньковской культуры, VI–VIII вв.). Представлений о том, что душа приходит в дом через огонь очага, у славян не сохранилось, зато есть их многочисленные отголоски, из которых особенно выразителен обряд «перепекания» ребенка. Младенца или символически помещали в печь на хлебной лопате, или реально один или три раза всовывали на лопате в печь, в которой только что испекли хлебы. Практически везде это делалось, если младенец был болен,

Русская печь

но в некоторых местностях «перепекали» абсолютно всех детей. Изначальный смысл этого обычая — появление ребенка из печи (как и появление хлеба), а объяснение, что в печи сгорает болезнь, более позднее. Бытовали и другие обычаи, связывающие младенца с печью: в подпечье прятали перерезанную пуповину, первые волосы детей, молочные зубы.

Поскольку печь мыслилась магическим каналом, связывающим миры, то огромное символическое значение приобретала открытая и закрытая заслонка. Когда человеку предстоял дальний путь, печь непременно держали закрытой, чтобы дорога была удачной. Человека, надолго покинувшего дом, звали через трубу, и на него нападала смертная тоска. Если в лесу пропадал скот, то через печную трубу звали животных; это же делалось и в качестве магической предосторожности в Страстной четверг. Сходно выглядит и магия нежелательной/желательной смерти: если она уже пришла в дом, то печь могла перекрыть путь беде (так, вернувшись с кладбища после похорон, обязательно заглядывали в печь, чтобы больше никто не умер); если же смерти в доме нет, то через печь порой открывался путь катастрофе (если невеста, войдя в новый дом, заглядывала в печь, то это предвещало кончину родителей жениха). После выпечки хлеба печь требовалось обязательно закрыть заслонкой, положить туда одно или несколько поленьев; в некоторых местностях на ночь внутри печи оставляли полено, а на ней сверху — горшок с водой. Магический смысл этих действий понятен: благополучие не должно «вылететь в трубу». Обратное действие: при смерти человека непременно открывали заслонки, и то же делали, приглашая к себе покойных на поминки.

Печь, то есть человеческий огонь, магически противостояла огню божественному, небесному (грозе). Широко был распространен обычай при виде грозовой и градовой тучи выносить во двор хлебную лопату или кочергу; иногда их складывали

крест-накрест, чтобы магически перекрыть путь беде; в некоторых местностях при надвигающейся грозе затапливали печь, чтобы уберечь дом от молнии.

Как видим, печь не является магическим персонажем: у нее нет своей воли, ее нельзя разгневать. При всей значимости печи в жизни крестьянина — как практической, так и мифологической, — она остается скорее магическим предметом, самым большим (в прямом и переносном смысле), но пассивным.

* * *

Итак, мать сыра земля, хлеб и предки — «деды» («чурь») — это три силы, которые сопутствовали человеку всегда: покидая дом ненадолго, он брал хлеб в качестве еды; покидая родину на месяцы или годы, он брал ладанку с родной землей. Если человек не нарушал запретов, соблюдал ритуалы, то есть не совершал однозначно неправильных действий, то три эти силы являлись для него исключительно благими. Как мы увидим в дальнейшем, общение со всеми прочими сверхъестественными силами, малыми и великими, строилось на абсолютно других принципах: человек никогда не был застрахован от их гнева, более или менее деструктивного.

Духи и персонажи крестьянской усадьбы

Мы переходим к следующей категории магических персонажей — к тем, кто несет благо и беду достаточно спонтанно, хаотично. В их поведении нет справедливости, и человек традиционной культуры не ждет ее: он готов к внезапным и беспричинным трудностям, но надеется, что они не доведут до большой беды... а если уж доведут, то об этом хорошо бы знать заранее.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)